

VIII

ИВАН ГРИШИН

Иван Артемьевич Гришин, 75-летний старик, крестьянин из дер. Загубья у Толвуи, знал в прежнее время очень много былин, по старости лет позабыл некоторые, а в других мог припомнить только начало. На вопрос, от кого он заимствовал свои былины, Гришин отвечал, что «старики певали в их месте» и он от них перенял.

32

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Молода Волью́ Всеславьевича

Жаловал крестовый его батюшко

Как двум городами его лучшими:

Еще Курцовцом его, Ореховцем.

⁵ Забирал тут молодой Волья́ Всеславьевич

Дружину он хоробрую,

Забирал себе во дружину тридцать человек,

Еще сам Волья́ во тридцатых был.

И брали они жеребчиков молодых,

¹⁰ Молодых жеребчиков бухарских,

Бухарских жеребчиков темнокариих,

Темнокариих жеребчиков нелэгченных.

Садилась они на добрых коней,

Поехали по дэлечу-далечу по чисту́ полю.

¹⁵ Услыхали они в чистом поли пахаря,

Пахаря-пахарюшка.

Они по день ехали в чистом поли,
Пахаря не наехали,
И по другой день ехали с утра до вечера,
²⁰ Пахаря не наехали,
И по третий день ехали с утра до вечера,
Пахаря и наехали.

317

Этот пахарь пашенку попахивает,
У ратая сошенка его поскрипливает,
²⁵ А у ратая омешики прокырскивают.
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка та была у его волжная,
А во сошки были плотики кленовыи,
А на плотиках рогачих был дорог рыбий зуб,
³⁰ Омешики на сошки были булатные
А присошечик на омешичках был красна золота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Впряжена была кобылушка соловая;
У этой у кобылы-то у соловой
³⁵ Хвост-от до земли росстиляется,
А грива-то колесом у ей завивается.
Тут возговорит молодой Волья́ ему Всеславьевич:
— Надоть ли тебе бжя́ помочь, пахарь е пахарюшко?
Тут возговорит пахарь ему пахарюшко:
⁴⁰ — Надоть-то божя́ помочь, мóлодой Волья́-то е Всеславьевич.
Тут возговорит мóлодой Волья́-то е Всеславьевич;
— Ай же ты пахарь е пахарюшко!

Ты скажи-ко мне да испотай себя,

Как тебя зовут е по имени,

⁴⁵ Как звеличают е по отечеству?

Тут возговорит пахарь ему пахарюшко:

Знать-то молодца е по выезду,

Сильнаго могучаго богатыря по храбрости.

Тут возговорит молодой Волья ему Всеславьевич:

⁵⁰ — Ай же ты пахарь е пахарюшко!

Ты же скажи-ко мне да испотай себя,

Как тебя зовут е по имени,

Как звеличают е по отечеству?

Тут возговорит пахарь ему пахарюшко:

⁵⁵ — Ай же ты мóлодый Волья Всеславьевич!

Я как драни-то надеру и жита-то насею,

Жито выростает, я и домой выволочу,

Домой выволочу, я дома выколочу.

318

Я как пива наварю да гостей как заберу,

⁶⁰ Гости станут они пить да станут кушати,

И станут они да меня здравствовать:

— Ах ты здравствуешь, Викула е Селянинович!

Тут возговорит молодой Волья' ему Всеславьевич:

— Ай же ты Викула е Селянинович!

⁶⁵ Как жаловал крестовый меня батюшко

А как двумя городами меня он лучшими,

Еще Курцовцом да он Ореховцем.

Тут возговорит Викула-то Селянинович:

— Ай же ты молодой ты Волья е Всеславьевич!

⁷⁰ Я недавно был ведь я во Курцовце,

Я недавно был ведь я в Ореховце,

Был-то ведь я там третьёго дни,

Закупил я соли ровно три меха,

В котором же меху было по́ сту пуд,

⁷⁵ Этой соли будет ровно триста пуд.

Положил я на кобылу е на соловую

Да сам-то молодец я садился ровно со́рок пуд,

Поехал я по Курцовцу да по Ореховцу.

Тут стали мужики меня захватывать,

⁸⁰ Еще Курцовцы да Ореховцы,

И стали с меня тут они грошов просить.

Я зачал им тут кулаком грозить,

Положил я мужиков тут больше тысящи.

Тот возговорит молодой Волья ему Всеславьевич:

⁸⁵ — Ай же ты Викула е Селянинович!

Пойдем отводить да мне-ка вотчины.

Тут обружился-то Викула Селянинович

На эту кобылу он на соловую

И поехали по д́алечу-дал́ечу по чисту полю.

⁹⁰ Викулы-то Селяниновича кобыла как ступком идет,

А Вольин-то конь во всю меть бежать.

Тут возговорит Викула-то Селянинович:

— Ай же молодой Волья-то е Всеславьевич!

Я забыл-то сошку закинуть во ракитов куст:

⁹⁵ Не ради вора, не ради розбойника,

А ради пропою я кабацкаго.

Тут мóлодой Волья-то е Всеславъевич

Воротил свою дружину он хоробрую,

Воротил он дружины ровно тридцать человек.

¹⁰⁰ Ездил к этой сошки они к вóлжаныя

И не могли сошки с земли они пóдняти;

Приезжали оттуль удалы добры молодцы,

Сами говорят да таково слово:

— Мы не могли-то сошки с земли пóдняти.

¹⁰⁵ Тут воротился сам Викула-то Селянинович,

Подъезжал он к этой сошке он ко вóлжаныя,

Подхватил он сошку е на плёговиццо

Да махнул-то эту сошку он в ракитов куст.

Записано в Чолмужах, 19 июля.

320

33

ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Как Добрынюшка матушке говаривал:

— Ах ты свет моя родна матушка,

Ты честна вдова Афимья Александровна!

Начто же ты матушка спородила,

⁵ Зачем ты меня на белый свет попустила.

Ты бы лучше матушка меня спорóдила

Катучим валучим белым камешком,

Брала бы ты валучий камешок

Во свои во белыи рученки, —

¹⁰ Я лежал бы Добрынюшка век по веку в синём мори.

Тут возговорит ему рódна матушка,

Честна вдова Офимья Александровна:

— Ай ты мой есть чадо милоё,

Ты Добрынюшка Микитинец!

¹⁵ Я бы рада была тебя спорóдити

Во казáку Илью Муромца,

Я бы рада была тебя спородити

Силою во Собóра во богатыря,

Смелостью спородить в смелаго Олешу во Поповича,

²⁰ Еще бог-то дитяtko мне надал тебя спорóдити.

Тут пошел он по конюшням по стоялым,

Выбрал себе коня добраго

321

На своих-то на конюшнях на стоялых,

Стал-то он тут латиться да стал кольчужиться.

²⁵ На этого-то он коня на добраго

Потницки-то он кладет на потнички

И на потнички докладывает все войлочки,

На войлочки накладывает он седельшко,

А седельшко накладывает он е черкальское,

³⁰ Он подтягивает, подлаживает тутих двенадцать подпругов.

Садился тут удалый добрый молодец

На это седельшко черкальское.

Выходит его да рódна матушка,

Честна вдова Офимья Александровна,

³⁵ Выходит она да на широкий белый двор,

Приходит к ему стрéмену она булатному,

Еще кó его ножке богатырской.

Сама она горюшица поросплакалась,

Сама говорит она таково слово:

⁴⁰ — Ай же ты мой есть любимой сын,

Еще мóлодой Добрынюшка Микитинец!

Куда же ты Добрынюшка сряжаешься,

Куда же ты есть Добрынюшка отправляешься,

Когда-то мне горюшице обжидать домой?

⁴⁵ Тут возговорит ей Добрынюшка Микитинец:

— Ай же ты моя есть рóдна матушка,

Честна вдова Офимья Александровна!

Посылает меня князь Владимир стольне-киевской

Съездить-то за море мне есть за Киево

⁵⁰ Ко тому-то королю да ко Бухардову,

Свезти туды дани выходы за двенадцать лет.

Выходит тут его есть молодá семья,

Еще молода Настасьюшка Микулична,

Приходит кó его ко стрéмену булатному,

⁵⁵ Еще ко его к ножке богатырския,

Сама она горгошица поросплакалась,

Сама-то говорит таково слово:

— Ай ты мой ведь есть законный молодой,

Еще молодой Добрынюшка е Микитинец!

⁶⁰ Когда-то мне горюшице обжидать домой?

Тут возговорит Добрынюшка ей Микитинец:

— Ай же ты есть моя любима семья,

Еще молода Настасьюшка Микулична!

Прожди-ко ты мужа шесть лет назад.

⁶⁵ Если Добрынюшка в шесть лет да не отворотится,

Больше век не жди Добрынюшки, век не памятуй,

То что поди хоть за князя, хоть за боярина,

Хоть за русскаго поди ты, за татарина,

Стóльки не ходи за смелаго за Олещу за Поповица,

⁷⁰ Как за мбего за братца за крестоваго,

Еще за того за женскаго насмешника.

Они видли тут молодца-то сядучись,

А не видли его молодца поедучись.

Он не воротами поехал, сам через стену,

⁷⁵ А через стену махнул да городовую,

Лише столько во чистом поли пыль пошла.

З горы на гору он ведь перескакивал,

С холмы на холму он ли перепрядывал,

Так реки-ты озера промеж ног спускал.

⁸⁰ Куды падали копыта лошадиныя,

Туды ставились колодецы глубокия,

А глубокий колодецы е кипячия.

Как денечик за деничком как дождь идет,

А неделька за неделькою быв трава растет,

⁸⁵ А как годышек за годышком как сокол летит.

Прошло тому времечки шесть лет назад,

Нету от Добрынюшки ни вести, нет ни повести.

Тут приходит князь Владимир стольне-киевской

Ко той к Настасьюшке Микуличной,

⁹⁰ И стал-то Настасьюшку подговаривать

За того за смелаго Олешенку Поповица,

Еще за́ его за братца за крестоваго,

За того за женского насмешника.

Тут возговорит Настасьюшка Микулична:

⁹⁵ — Ай же ты князь Владимир стольне-киевской!

323

Я мужнюю-ту заповедь повыполнила,

Прождала-то я мужа шесть лет назад.

Положу я теперько свою заповедь,

Прожду я мужа дру́го шесть лет;

¹⁰⁰ Ежели Добрынюшка в двенадцать лет да не отворотится

То что я пойду хоть за князя, хоть за боярина,

Хошь за русскаго пойду я, за татарина,

А хошь за того за смелаго Олешу за Поповича,

Еще за его за братца за крестоваго.

¹⁰⁵ Как денечок за денечком как дождь идет,

Неделька за неделкой быв трава растет,

А как годышек за годышком как сокол летит.

Прошло-то тому времечки двенадцать лет,

Нету от Добрынюшки ни вести ни повести.

¹¹⁰ Стал-то тут князь Владимир стольне-киевской,

Стал-то он к Настасьюшке подхаживать

И стал-то Настасьюшку он подговаривать

За того за смелаго Олешу за Поповича,

За́ его за братца за крестоваго.

¹¹⁵ Пошла тут она сама да во божью́ церковь

С тым-то она с Олешей со Поповичем,

Принимать они пошли да по злату венцу.

Поели этой поры да этой времечки

Честна вдова Офимья Александровна

¹²⁰ Садиласи в своих полатах белокаменных,

Садилась она под окошечко косевчатой

И сама она горюша поросплакалась,

И сама-то она говорит таково слово:

— Ах двенадцать-то годышков назад закатилось

у меня-то красно солнышко,

¹²⁵ Теперь повыкатился у меня да е светёл месяц!

Из дáлеча-далéча из чиста поля

Не белая пороша снежку выпала,

По этой пороше по белу́ снежку

Не бел заюшко ли он проскакивал,

¹³⁰ Не белая куропаточка там напурхивала,

Наезжал удалый добрый молодец.

Прямо он едет на Добрынин двор,

Привязал-то коня он ко столбику,

Ко тому столбу он точеному,

¹³⁵ К этому колецку он золоченому,

Привязал-то он коня своего тут добраго

И сам идё в полаты белокамены,

Крест-то он кладёт по писаному,

Поклоны все ведет он по учёному

- ¹⁴⁰ На все ли на четыре он е на стороны,
Честной вдовы Офимьи Александровной он е вособину:
— Приказал-то тебе, Офимья Александровна,
Добрынюшка приказал тебе низко кланяться.
Оставлялся твой Добрынюшка во чистом поли
- ¹⁴⁵ И оставлялся твой Добрынюшка во живности;
Да еще-то мне твой Добрынюшка понаказал, —
Велел-то взять гусельшка его яровчатя,
Да еще-то мне Добрынюшка понаказал, —
Велел-то взять его кунью его шубоньку,
- ¹⁵⁰ Кунью шубоньку велел он взять соболиную.
Тут брала-то честна вдова Офимья Александровна,
Брала-то она тут золоты ключи
И сходила-то она во глубок погрёб,
Приносила ему кунью шубоньку,
- ¹⁵⁵ Кунью шубоньку его соболиную,
Приносила ему гусельшка она яровчатые.
Снарядился тут удалый добрый молодец
И во эту кунью он шубоньку,
И брал-то он эти гусельшка яровчатые,
- ¹⁶⁰ Сам говорит он таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Александровна!
Где ж его есть любимá семья,
Еще мóлода Настасьюшка Микулична?
Тут возговорит честна вдова Офимья Александровна:
- ¹⁶⁵ — А ушла-то Настасьюшка Микулична,
Ушла-то она да во божью церковь,
Принимать оны со Олешей со Поповичем,

Принимать ушли по злату венцу.

325

Пошел тут удалой доброй молодец

¹⁷⁰ К Олеше ко Поповичу на пированьицо.

Крест он кладет по писаному

Поклоны все ведет по ученому

На все ли на четыре он е на стороны,

Князю-то Владимиру он в особину.

¹⁷⁵ Сам говорит тут таково слово:

— Ай же ты князь Владимир стольне-киевской!

Дай ко удалому добру молодцу заезжему

Местечко мне-ка скрómноё.

Отводили они местечко ему скромное

¹⁸⁰ На этой на печке на муравленой.

Садился тут удалый добрый молодец

На эту на печку на муравленую,

Играл он во гусельшка тут яровчатые,

А все наигрища приводит он Добрынины.

¹⁸⁵ Тут стоит княгиня за дубовым столом,

А стоит она, сама подумливаёт:

— Ай же ты князь Владимир стольне-киевской!

Прикличь-ко ты удала добра молодца ко дубову столу,

Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина.

¹⁹⁰ Прикликали его удала добра молодца к дубову столу:

— Выпивай-ко ты чару зелена вина!

Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,

И брал-то он как чару одной рукой,

Выпивал ту чару единым духом,
¹⁹⁵ Положил в ту чару свой злачен перстень,
Сам говорит таково слово:
— Ай же ты Настасьюшка е Микулична!
Наливай-ко эту чару зелена вина,
Выпивай-ко эту чару единым духом:
²⁰⁰ что ты увидишь в этой чары себи добра.
Налила эту чару полтора ведра,
Подымала как эту чару одной рукой,
Выпивала эту чару единым духом
И увидла в этой чаре свой злачен перстень,
²⁰⁵ Которым перстнем с им да обручавши была.

326

Тут возговорит Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты князь Владимир стольне-киевской!
Не то мне-ка муж, который подли меня,
А то мне-ка муж, который супротив меня.
²¹⁰ Тут возговорит Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинич!
У жонки е волос долог да ум короток.
Тут возговорит Добрынюшка Микитинец:
— Я не дивую женскому глупому розуму, —
²¹⁵ Точно у жонки волос долог да ум короток, —
Я дивую вашему царскому розуму,
Что от живаго мужа вы берете за другаго.
А ты смелый Олешенка Попович е,
А ты братец мой крестовый,

- ²²⁰ Не дал я тебе яичка о Христове дне,
Теперько дам тебе яичко о Петрове дне!
Хватил тут Олешенку он за белы груди,
Да вытащил Олешенку он через дубов стол,
Да как начал он Олешенку потаскивати,
²²⁵ Шалыгой подорожною зачал пощалкивати. :
- И тут вси князи, вси бóяра
С этого пиру да забросалися,
И все-то по домам они розъезжалися.

Записано в Толвуи, 12 июля.

34

ДУНАЙ

- Заберал себи дружины он хоробрья
Князь Владимир стольне-киевской.
И вси на пиру-то наедалися,
И вси на пиру-то напивалися,
⁵ И все-то на пиру оны поросхвастались,
Тот хвастат тым, да инóй-то иным,
Иной-от похвастал золотой казной,
Иной-от похвастал своей силою,
Иной-от похвастал своей смелостью,
¹⁰ Разумный-от похвастал отцем матушкой,
А безумный-от похвастал молодой женой.
Сам государь он свéщён рáдощён,
И сам-то он по гриденке похаживаёт,
И башмачикамы-то он сам ведь поскрипливает:
¹⁵ — Ай же вы князи, вси мои бóяра,
Ай же вы поляници вси мои удалья!
И вси-то у меня во Киеве вы поженены,

И все-то девушки боярушки заму́ж даны,

А один у вас во Киеви я холост, не женат

²⁰ Еще князь Владимир стольне-киевской.

Не знаете-ль где мне взять супротивная?

Выходит тут Дунай-тот сын Иванович,

328

Супротив-то государя становился он:

— Ты свет-то государь наш батюшко!

²⁵ Я знаю, где тебе взять бы супротивная:

И есть как во той земли во лячкия

У того-то есть короля у ляховинскаго,

Есте у него там две дочери:

Первая дочь е Марья королевична, —

³⁰ Тою тебе государь не владати;

И дру́гая е дочь Опраксея королевична, —

Было бы кому нам поклоняться

Всим городом нам да всим Киевом.

Тут возговорит государь ему батюшко:

³⁵ — Ай же ты Дунай сын Иванович!

Ты бери-тко ты моей казны е бесчетныи

Бери-тко моей силы е бесметныя,

Поезжай-то ты во землю во лячкуто,

Ко тому ли королю да ляховинскому,

⁴⁰ О добром деле есть о свáтовстве

На мóлодой Опраксии королевичной.

Тут возговорит Дунай-тот сын Иванович:

— Ай же ты государь и наш батюшко!

Не надоть мне казны твоей е бессчетныя,

⁴⁵ Не надоть мне-ка силы твоей е бессметныя,

Только дай-ка мне-ка смела Олешенку Поповица, —

Смелыя Олешенка Попович он на ножку хром да на

походку скор, —

Да в других дай Добрынюшку Микитича.

Видели они молодцов тут сядучись

⁵⁰ И их они видели на добрых коней поёдучись.

Не воротами они поехали, через стену,

А через стену они махнули городовую,

А стольки во чистом поле пыль пошла.

Приезжают они в землю есть во лячкую,

⁵⁵ Ко тому-то королю они к ляховинскому,

О добром деле они о сватовстве.

Заехали они без слова на широкий двор.

Привязали тут оны коней ко столбику,

329

Ко этому ко столбику оны точеному,

⁶⁰ Ко этому колечку оны золоченому.

Тут возговорит Дунай-тот сын Иванович:

— Ай же ты братец мой названья,

Еще смелыя Олешенька Попович ты!

Еще стой-ко ты, Олеша, на широком на дворе,

⁶⁵ Еще стой-кось ты, Олешенька, сам подогадывайся.

Сам иде в полаты в белокаменны,

Выстал на крылечко на перёное,

Сам говорит он таково слово:

— Ай же ты братец мой названья,

⁷⁰ Еще молодой Добрынюшка Микитиниц!

Еще стой-ко, Добрынюшка, на широких сенях,

Еще стой-кось ты, Добрынюшка, сам подгадывайся.

И сам иде в полаты белокаменны,

Крест-то кладет он по писаному,

⁷⁵ Поклоны все ведет он по ученому,

На все ли на четыре он на стороны,

Самому-то королю да ли в особину:

— Ты здравствуешь, король е ляховинския!

Мы приехали к тебе о добром деле, о сватовстве

⁸⁰ На молодой Опраксии королевичной,

За ласкова князя за Владимира.

Тут возговорит ему король тот ляховинския:

— Ай же ты Дунай да сын Иванович!

Таки ли ты про дело есть не ведаешь,

⁸⁵ А таки ль надо мною насмехаешься.

Еще есть у меня Опраксия е просватана

Во ту есть она во Золоту орду,

За того-то короля да и за Каина.

Тут возговорит Дунай ему Иванович:

⁹⁰ — Ай же ты король е ляховинския!

Не бывать твоей Опраксии в Золотой орды,

А быть твоей Опраксии в нашем Киеви,

За ласковым за князем за Владимиром.

Этое-то слово ему не в любовь пришло,

⁹⁵ Он ударил тут Дуная по белу лицу.

Обвернулся тут Дунай сын Иванович,
Ударил короля-то он по черну лицу, —
Упал тут король е о кирпичен пол.
Брал-то короля он за резвы ноги,
¹⁰⁰ Зачал королем-то он помахивати,
Панóв-то уланов стал поукивати.
Там услышал е Добрынюшка Микитинец,
Есть-то во полатах пошел шум-то велик,
Прискочит тут Добрынюшка к ободверяке,
¹⁰⁵ Вырвал тут Добрынюшка он ободверенку,
Зачал тут Добрынюшка похаживати,
Зачал ободверенкой помахивати,
Панов-то уланов стал поукивати.
Услышал там на широком на дворе
¹¹⁰ Смелыя Олешенька е Поповиц там,
Есть-то во полатах пошел шум-то велик,
Прискочит тут Олеша ко телеги ко ордынския,
Вырвал он осище тележное,
Тележное осище оковáное,
¹¹⁵ Окованое осище ровно сорок пуд;
Начал тут Олешенка похаживати,
Зачал осищем он помахивати,
Панов-то уланов стал поукивати.
Выбрались три братца названья,
¹²⁰ Выбрались оны да на широкий белый двор.
Тут возгóворит Дунай-тот сын Иванович:
— Ай же вы братцы вы мои товарища!
Попало мне Дунаю есть побивало добро, —

А плотен король на жилья есть, сам не порвется.

¹²⁵ Выходит-то Опраксия королевична

Она на широкий белый двор,
Захватила Дуная за могучии плеча,
Еще говорит она таково слово:

— Ай же ты Дунай сын Иванович,

¹³⁰ Оставь-кось ты татар хоть и на семена!

Еду я ко городу ко Киеву
За ласкова князя за Владимира.

331

Садилась оны тут на добрых коней

И брали они Опраксию королевичну,

¹³⁵ И поехали по д́алечу-дал́ечу по чисту полю.

Ехали по д́алечу-дал́ечу по чисту полю,
Во чистом поле наехала Марья королевична,
Она сшибла-то Дуная и с добра коня,
Скакала-то ему она да на белы груди,

¹⁴⁰ Выдернула она ножищо е кинжалищо,

Хотела ему пороть и белу грудь,
Сама-то говорит она да таково слово:
— Ай же ты есть Дунай да сын Иванович!

Таки ль есть про дело есть не ведаешь,

¹⁵⁰ Не знаешь ты пошибок наших женских?

— А что есть пошибки ваши женския?
— А ты бы правою рукой да по лелькам бил,
А левою ногою бы под гузно пихнул.
Он правою рукою ю по лелькам бил,

¹⁵⁵ А левою ногою ю под гузно пихнул.
И слетела эта Марья за три по́прища.
Тут скакал-то ёй Дунай на белы груди,
Хотел он ёй пороть-то белу грудь.
Тут смолиласи Марья королевична:
¹⁶⁰ — Ай же ты Дунай да сын Иванович,
Не пори-ко ты моей да е белой груди!
Еду я ко городу ко Киеву,
Отдавать своей сестрицы я родимыя
За того за князя за Владимира. . .

(Далее не помнит).

Записано в Толвуи, 12 июля.

332

35

ЧУРИЛА

Ездил-то Чурилушка он Плёнкович,
Ездил он по дáлечу-далéчу по чисту полю,
На своем-то ездил на добром коне,
Во своем он ездил кованом седле.
⁵ Седельшко было его черкальское,
Подстёнуто было двенадцать тугих по́дпругов.
Подпруги были да все шелковые,
Пряжечки были да золоченыя,
А шпенёчики были булатния,
¹⁰ Ещё шелк не рвется, как булат не гнется,
Красно золото с земли оно не ржавеёт,
Не ради красы не ради бодрости,

А ради крепости богатырския,
Добрый конь чтобы с под него не выпрянул.

¹⁵ Ехал он по городу по Киеву,
Забирать себе дружину на почестен пир,
И заехал он к Пермяту ко Васильевичу
Под тое окошечко косевчато.
Бьется-то он тут колотится

²⁰ Сквозь тую́ блезну да сквозь хрустальную.
Отворяет тут окошечко косевчатое,
Выскакает оттудь девушка поваренная

333

И сама-то говорит да таково слово:
— Еще нет у нас в доми-то хозяина,

²⁵ Он уехал во божью церковь
Богу там он е молитися,
Чудным образам он да поклоняется.
Услышала Катерина тут Микулична,
Она бьет-то девку по леву́ лицу,

³⁰ Сама-то говорит ей таково слово;
— Ай же ты девка е страдница!
Только знала бы ты, девка, шти́-кашу́ варить,
Шти-кашу варить, работников кормить,
Не твое бы дело гостей откázывать.

³⁵ Тут выходит она на синечки на белыя
И на ты переходечки на частыя.
Сама выходит она Катерина Микулична,
Выходит она на широкий двор

И встречает удала добра молодца,

⁴⁰ Еще Чурилушку е Пленковича,

И берет его за ручки за белья,

За его перстни да за злаченьгя,

И целовала в уста его сахарине,

Провела его коня добраго

⁴⁵ На свою конюшню на стоялую,

И провела его в свою белую во ковнату.

Садилась оны играть-то с ей во шахматы:

Еще раз-то он играл да ю по́играл,

Еще другой-тот играл да ю по́играл,

⁵⁰ А третий-тот раз ей и ступить не дал.

Тут возговорит Катерина-та Микулична:

— Ай же ты упавый добрый молодец,

Еще мóлодой Чурилушка ты Плёнкович!

А знать-то мне с тобой играть во шахматы,

⁵⁵ А знать-то мне да на тебя смотреть,

А как белое-то тело у меня ходуном ходит,

А к белому-то телу да рубашка льнет!

А как делал бы ты дело есть повелёное,

Скидывал бы ты шапочку, клал на стопочку,

⁶⁰ Однорядочку снял бы, клал на грядочку,

А зелен сафьян сапожки снял бы, клал под лавочку,

Да ложился спать бы на кроваточку,

На тую кроваточку на кисовую,

Да на эту он перину на пуховую,

- ⁶⁵ Да на тое на круто складно на зголовьицо
Да под тое теплое ты одеялышко под соболиноё.
Скидывáлся тут Чурилушка он Плёнкович:
Однорядочку снял да клал на грядочку,
А зелен сафьян сапожки клал под лавочку,
- ⁷⁰ И ложился спать он на кроваточку,
На тую кроваточку на кисовую
Да на эту он перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовьицо
Да под тое одеялышко он соболиное.
- ⁷⁵ Тут-то Катерина она Микулична
Скидываласи она в тонкую рубашечку без пояса,
Ложиласи тут же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И на тую перинку на пуховую,
- ⁸⁰ На тое на круто складно зголовьицо
И под тое тепло одеялышко соболиное.
Услыхала там девушка поваренна,
Поваренная девка все челядинна,
Выходит-то девка на белы сени,
- ⁸⁵ Сама-то говорит да таково слово:
— Я пойду-то, девка, на божью церковь,
Скажу-то Пермюту сыну Васильевичу.
Услышал тут Чурилушка Плёнкович:
— Ай же ты девка е страдница!
- ⁹⁰ Не ходи-ко ты, девка, во божью церковь,
Не сказывай Пермюту сыну Васильевичу,
А возьми-ко ты денег пятьдесят рублей,
А когда ты, девушка, заму́ж пойдешь,

Подарю я те косяк камки,

⁹⁵ Еще дóрогой камочки заморския.

Ничего того девушка не послушалась,

335

Пошла-то она да во божью церковь.

Пришла-то она да во божью церковь,

Крест-то кладет по писаному,

¹⁰⁰ А поклоны-то ведет по ученому,

На все ли четыре на стороны,

Пермяту сыну Васильевичу в особину:

— Ай же ты Пермят сын Васильевич!

Ты стоишь-то здесь да богу молишься,

¹⁰⁵ Чудным óбразам ты да поклоняешься,

Над собою сам незгоды ты не ведаёшь!

Еще есть у тя в доме нелюбимый гость,

Еще молодой Чурилушка е Пленкович,

И гуляет он со Катериною Микуличной.

¹¹⁰ Это слово-то ему не в любовь пришло,

Сам он говорит да таково слово:

— Ай же ты, девка, если быль говоришь,

Я буду тебя, девушка, жаловать,

А если ты мне, девка, лóжь говоришь,

¹¹⁵ Я не дам тебе сроку на малый час,

Срублю тебе, девка, буйну голову!

Выходит он на улицу на белую

И садился-то он на добра коня.

Приезжает к своим полатам белокаменным

¹²⁰ И сам пришол в полаты белокаменны,

Сам он говорит да таково слово:

— Ай же ты Катерина е Микулична!

Что же ты не зашла е во божью церковь,

Богу-то там е молитися,

¹²⁵ Чудным образам ты да поклоняться там?

Тут возговорит Катерина-та Микулична:

— Ай же ты Пермьт сын Васильевич!

Ты не знаешь разве обрядов наших женских?

Еще нельзя-то мне итти да во божью церковь.

¹³⁰ — Ай же ты девка е страдница,

Все-то ты мне, девка, е ложь говоришь.

Срублю я тебе, девка, буйну голову,

Не дам я тебе сроку на малый час!

336

Жалобнёшенько девушка заплакала,

¹³⁵ Сама-то говорит она таково слово:

— Ай же ты Пермьт сын Васильевич!

Сходи-ко на́ свою конюшню на стоялюю:

А как на́ твоей конюшне на стоялойей

Стоит-то там Чурилин добрый конь.

¹⁴⁰ Сходил-то на конюшню на стоялюю,

Увидел там коня добраго Чурилинаго

И приходит он в полаты в белокаменны.

Тут возговорит Катерина-та Микулична:

— Ай же Пермьт сын Васильевич!

¹⁴⁵ А ездил мой братец тот родимыя

- И по дáлечу ездил он по чисту полю,
Со Чурилушкой оны да соезжались
Да конямы-то оны там ведь е поменялися,
Да приехал-то братец ко мне родимья,
¹⁵⁰ Да на Чурилином приехал на добрóm коне.
Тут возговорит Пермьт сын Васильевич:
— Ай же ты девка е страдница,
Все ты мне-ка, девка, ложь говоришь!
Я срублю тебе, девка, буйну голову.
¹⁵⁵ Жалобнёшенько девушка заплакала,
Сама-то говорит она таково слово:
— Ай же ты Пермьт сын Васильевич!
Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
А спит-то там Чурилушка, он не прохватится.
¹⁶⁰ Он сходил тут во теплую во ложню-ту,
Он увидел Чурила-то Пленковича,
Заздынул он меч-то выше гóловы,
Срубил он Чуриле буйну гóлову.
Тут-то е Чурилушке славу поют.
¹⁶⁵ Тут-то е Катерина Микулична
Выходит она на сенечки на белья,
На тьи переходочки на частья:
— Ах ты старый пес, ты седая борода́,
А срубил ты удала добра молодца,
¹⁷⁰ Еще молода Чурилушку е Пленковича!

Записано в Чолмужах, 19 июля.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-под дуба, дуба было сырого,
Из-под вяза, вяза с под черленаго,
Из-под кустышка да с под ракитова,
С под ты березы с под кудрявья,

⁵ Из-под камешка было из-под белаго
Пала, выпадала мать Непра́ река,
Выпадала она в море, море Чёрное;
С по́ морю, по мо́рю, морю Чёрному
Выходила она да во Турецкоё.

¹⁰ По Турецкому морю, морю Черному
Выплавало оттуда тридцать ко́раблей.
Единый-от карабль тут наперед ушел,
Он наперед бежит да быв сокóл летит.
Еще нос-корма в ём по звериному,

¹⁵ А как хоботы-ты мечет по змеиному,
Бокова выведены в ём да по туриному.
Хорошо, братци, карабль наш изукрашен всем!
Место хвоста было повешено
По тому волку да по заморскому,

²⁰ Место ушей было повешено
По ты куницы по сибирския.
Хорошо, братци, карабль наш изукрашен всем!

Место бров было продернуто
Как по черному по соболю заморскому.

²⁵ Хорошо, братци, карабль наш изукрашен всем!

Шеймы канаты были шёлковыи.

Хорошо, братци, карабль наш изукрашен всем!

Якори на кáрабли булатния,

Еще лапочки были все золоченя.

³⁰ Хорошо, братци, карабль наш изукрашен всем!

И парусы на кáрабли руцатой камки,

Еще дóрога камóчка е заморская.

Хорошо, братци, карабль наш изукрашен всем!

Еще рубка на карабли была рыбьящета.

³⁵ Во этой бесёдке рыбьящетоу

Сидел мóлодой Соловей Будимирович

Еще со своей родителью матушкой,

Нá имя со Ульяной со Васильевной.

Играл он во гусельшка яровчаты,

⁴⁰ Спóтешал свою родитель матушку,

Еще нá имя Ульяну Васильевну.

Приезжали оны ко городу ко Киеву,

Еще кó тому оны ко бережку ко кру́тому,

Ко тому песочику оны россыпчатому.

⁴⁵ Выходит сам Сóловей Будимирович

И сам говорит да таково слово:

— Ай же вы, моя дружинушка хоробря,

А вас триста молодцов е без единого!

Скидывайте-ко вы кожаники лосинья,

⁵⁰ Надевайте-ко вы кафтаны раскурлán-сукна,

Одевайте-ко вы шляпоньки пуховья,

Берите кушаки-то все шелковыя.

Да выметывайте сходенку вы луженую,

Луженую сходню, медью луженую,

⁵⁵ Да насыпьте эту сходню чиста сѣребра;

Да выметывайте сходенку вы лужоную,

Луженую сходню себрѣлуженую (*так*),

Да насыпьте эту сходню чиста золота:

И третью сходенку выметывайте,

339

⁶⁰ Выметывайте вы сходенку вы луженую,

Луженую сходню себрѣлуженую,

Себрѣлуженую сходню позолóченую.

Выходит сам Сóловей Будимирович

Еще сó своей с родителью со матушкой,

⁶⁵ Сам он говорит тут таково слово:

— Ай же вы дружинушка хоробрая,

Вас триста молодцов е без единого

Подите-тко на горку вы на конную,

На этой на горке и на конныя,

⁷⁰ Где пироги и где блины продают

И малыи ребята там барышничают,

Поставьте к утру свету мне-то три́ терема,

Еще три терема да златоверхиих,

Что верхи бы со верхамы совивалися,

⁷⁵ Молода Забава и Путятична

На этии верхи бы огляделася...

(Дальше не знает).

Записано в Толвуи, 12 июля.

ВЗЯТИЕ АЗОВА

Как выходит ведь государь наш по день,
Выкликает надежда он по дру́гой,
Выкликает нас надежда царь по третей:
— Еще всё же вы князи, вси бояри

⁵ А все думские царевы генерала!
Пособите государю думы думать,
Государю чтобы дума не продумать,
Как бы взять бы мне Азów горód без бою,
Без бою, без драки кроволитья.

¹⁰ Еще больший тулится за середняго,
А средний тулится за меньшаго,
А от меньшаго государю ни ответа нет.
Выходит тут казак е донскийи,
Еще он же молодец е удалые,

¹⁵ Супротив он государя становился,
Понизешенько надежде поклонился:
— Ох ты батюшко надежда государь царь,
Олексий сударь Михайлович московский!
Бласловите, государь, мне словца молвить.

²⁰ Еще возьмем мы Азов город без бою,
Еще без бою возьмем без драки,
Еще без больша велика кроволитья.

По головушке казаченка погладил:
— Благодарствуёшь казак тебе донскийи,

²⁵ Еще ты же молодец е удалыйи,

Еще ты же молодец-то есть смелые,

Еще смел-то с государем говорити.

А как будет ли казать тебе с дела,

Я пожалую по дороге кафтану

³⁰ А как со тыма с клинамы золотыма

И со обвещамы со тыма дорогима.

Пятьсот они тележек снарядили,

По пяти туды казаков положили,

Они черныма юхтáмы накрывали,

³⁵ Как будатнима гвоздцáмы обивали.

Еще они другие пятьсот тут снарядили,

Мякотным-то товаром нагрузили

А туды же к Азову пропустили.

Они стали тут к Азову подъезжати.

⁴⁰ Еще тут-то казаку ему не спится,

Еще брал-то он подарки дорогие,

К самому-то он Санталу относился:

— Ах ты здавствуешь.

Сантал ты е турецкий,

Поздравляю тебя силой со немецкой!

⁴⁵ Еще во тебе подарки дорогие

Как от нашего царя теби от белого.

Да просил-то ведь наш царь тебя белый,

Да просил-то он в Азове торговати,

Как русийских товаров продавати

⁵⁰ А как ваших мы заморских покупати.

А как эти ему подарки прилюбились,

Приказал-то он в Азóв горóд въезжати.

Велел кажным тележки осмотрити.

Как пятьсот они тележек просмотрели,

⁵⁵ Еще других тележек не сустигли,

Они всех они возов-то запустили.

Они зачали в Азове торговати

А своих они товаров продавати

А заморских они стали закупати,

342

⁶⁰ А булатниих возцов тых отдирати,

Еще черных юхтов тых открывати

Да оттудова молодцов тых выпускати.

Еще зачали казачки-то тут гуляти,

Они начали в Азови шурмовати,

⁶⁵ Да начали турчанов убивати,

Много множество турчанов тут прибили.

А одва-то тут Сантал и сам уехал

Еще во свою столицу в городóву.

Еще тут казачкам им не спится,

⁷⁰ Оны вал-то земляной тут завалили

Как повыше стены они городóвой.

Тут Сантал-то он турецкой

Набирает себе силы сорок тысяч,

Подъезжает он к Азову тут ко городу,

⁷⁵ Еще начал он в Азóв город ломиться.

Еще вал-то земляной он рассыпал,

Стену каменну оны да проломии,

Еще тут они в Азов город забилсь,

Еще начали в Азове шурмовати,

⁸⁰ Оны стали казачков тут убивати.

Тут немножко казачков тут оставлялось.

Собирались казачки тут в божью церковь,

Отслужили тут молебен со обедней:

— Еще ай же ты Микола Чудотворец,

⁸⁵ Не придай-ко нам напрасно умерети!

Пострижемся мы тебе-ка вси в монахи,

Все в монахи пострижемся, в потриархи,

Все в монахи пострижемся, в потриархи.

Напустил тут Микола Чудотворец,

⁹⁰ Напустил тут на турчан он темну темень,

Они дружка дружку прирубили,

Как густым ту реку загустили.

Записано Толади, 12 июля,